

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
<i>Глава 1. От Петра до Павла: монаршее и церковное попечение о сумасшедших</i>	15
<i>Глава 2. К нам едет ревизор!</i>	41
<i>Глава 3. «По-лекарскому называемо...»</i>	53
<i>Глава 4. «Ни суда, ни закона»</i>	72
<i>Глава 5. Дело белёвского купца</i>	113
<i>Глава 6. «Нашло безумство»</i>	123
<i>Глава 7. Утомленные политикой</i>	135
Жизнь и злоключения коллежского асессора Александра Сытина	160
Карп Жуков и его собеседники	170
<i>Глава 8. «Я, де, и сама Россия»</i>	177
<i>Глава 9. Одержимый сын «славного господина»</i>	199
<i>Глава 10. Записки сумасшедшего XVIII века</i>	206
<i>Глава 11. «Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь»</i>	223
<i>Глава 12. Тайные безумцы XVIII века в цифрах</i>	241
Послесловие	249
Приложение	
1. Сон пастора Бурмейстера	256
2. Показания Александры Корсаковой	258
3. Показания Леонтия Волкова	262
4. Из показаний Егора Красильникова	263
5. Из показаний капитана Ивана Ушакова	264
6. Показания Гаврилы Семенова	267
7. Из дела «О свидетельстве безумных»	268
Источники и литература	273
Аннотированный указатель имен	279

ВВЕДЕНИЕ

С легкой руки Мишеля Фуко история безумия стала в последние десятилетия одним из предметных полей исторической науки, произведя на свет множество исследований на материале разных стран и эпох¹. Впрочем, и до появления на свет в 1961 году книги Фуко «История безумия в классическую эпоху» умаленные не были уж вовсе обойдены вниманием историков — тех, кто изучал соответствующие статьи законов и их практическое применение государственными институтами и церковью. Во второй половине XX века в поле зрения исследователей появилось понятие «меланхолия», с которым, по крайней мере, начиная со Средневековья в Европе связывали проявления безумия, хотя посвященные этой теме работы концентрировались

¹ См., например: *Andrews J., Scull A. Customers and Patrons of the Mad Trade: The Management of Lunacy in Eighteenth-century London.* Berkeley: University of California Press, 2003; *The Anatomy of Madness: Essays in the History of Psychiatry* / Ed. by W.F. Bynum, R. Porter, M. Shepherd. London: Tavistock Publications, 1985. 2 Vols; *Doob P. Nebuchadnezzar's Children: Conventions in Madness in Middle English Literature.* New Haven: Yale University Press, 1974; *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's Histoire de la folie* / Ed. by A. Still, I. Velody. London: Routledge, 1992; *MacDonald M. Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-century England.* Cambridge: Cambridge University Press, 1981; *Mellyn E. W. Mad Tuscans and Their Families: A History of Mental Disorder in Early Modern Italy.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014; *Midelfort H. C. E. A History of Madness in Sixteenth Century Germany.* Stanford: Stanford University Press, 1999; *Madness in Medieval Law and Custom* / Ed. W. Turner. Leiden: Brill, 2010; *Porter R. Mind-forg'd Manacles: A History of Madness in England from the Restoration to the Regency.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987; *Schmidt J. Melancholy and the Care of the Soul: Religion, Moral Philosophy and Madness in Early Modern England (The History of Medicine in Context).* Ashgate Publ., 2007; *Murat L. The Man Who Thought He Was Napoleon. Toward a Political History of Madness.* Chicago; London: The University of Chicago Press, 2011; *Scull A. Madness in Civilization: A Cultural History of Insanity, from the Bible to Freud, from the Madhouse to Modern Medicine.* Princeton University Press, 2015.

преимущественно на интеллектуальных и литературных коннотациях этого понятия¹. Естественно, относящиеся к истории безумия сюжеты присутствовали и в многочисленных исследованиях по истории психиатрии. Предметом изучения отечественных историков еще с дореволюционного времени стал феномен юродства, связанный с особенностями русского религиозного сознания и отражающий восприятие безумства. Упоминаются сумасшедшие и в работах по истории политического сыска в России XVII–XVIII веков. Так, к примеру, им посвящено несколько страниц монографии Е. В. Анисимова². Имена некоторых из тех, о ком пойдет речь в этой книге, встречаются также в работах по истории самозванчества³.

Книга Фуко (на русском языке впервые вышла в 1997 году) как бы соединила эти разрозненные сюжеты в единое предметное поле с его социальным и культурным контекстом. Она же определила и новую исследовательскую оптику, акцентирующую внимание на восприятии безумства как инаковости по отношению к норме и изучении изоляции умалишенных — в исправительных домах, лечебницах или монастырях, как проявления властного насилия, одной из форм социального дисциплинирования, характерного для Нового времени.

Пока идеи Фуко добирались до России, их успели проанализировать, развить, раскритиковать и отчасти опровергнуть. Но и после появления книги Фуко на русском языке крупных монографических работ по истории безумия в России и, в частности, в раннее Новое время не появилось. Одной из наиболее серьезных работ последних десятилетий является исследование Л. В. Янгуловой «Институционализация психиатрии в России:

¹ *Стейнберг М.* Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций* / Ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 202–226; *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М.: Новое литературное обозрение, 2011; *Старобински Ж.* Чернила меланхолии. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

² *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 382–389.

³ См., например: *Сивков К. В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII века // *Исторические записки.* М.: Академия наук, 1950. Т. 31. С. 88–135.

генеалогия практик освидетельствования и испытания „безумия“ (конец XVII—XIX в.), защищенное в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук в 2004 году. Основанная в том числе на новых архивных источниках и методологии Фуко (не случайно ключевое слово в названии работы — «генеалогия»), эта работа содержит основные сведения о практиках определения безумия и обращения с умалишенными, но в фокусе внимания автора прежде всего находится становление науки психиатрии, а поскольку происходило это преимущественно в XIX веке, более раннему времени внимания уделено не так много. В 2007 году был издан сборник статей «Сумасшествие и сумасшедший в русской культуре», но в предисловии к нему оговорено, что его авторы «в основном сосредоточены на социальных проявлениях сумасшествия в культуре России эпохи модерна и не углубляются в период Средневековья, а также не исследуют представления о сумасшествии в контексте православной церкви»¹. Тема сумасшествия в XVIII веке затрагивается лишь в открывающей сборник статье И. Веницкого, посвященной трактовке меланхолии Екатериной II и использованию ею этого понятия в контексте идеологии ее царствования². Интересующая нас проблематика затрагивается также в ряде появившихся в последние годы работ историков и историков-правоведов о месте и роли церкви в пенитенциарной системе России Нового времени, причем особое внимание в них уделено роли монастырей³. Попытка рассмотрения этой же проблематики в социально-культурном

¹ *Madness and the Mad in Russian Culture* / Ed. by A. Brintlinger, I. Vinitzky. University of Toronto Press, 2007. P. 7.

² *Vinitzky I. The Cheerful Empress and Her Gloomy Critics: Catherine the Great and the Eighteenth-Century Melancholy Controversy* // *Madness and the Mad in Russian Culture* / Ed. by A. Brintlinger, I. Vinitzky. University of Toronto Press, 2007. P. 25–45.

³ *Шаляпин С. О. Монастырская ссылка в России XV–XVIII вв. (по материалам монастырей Архангельского Севера)*. Дис. канд. юр. наук. Архангельск, 1998; *Он же. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков*. Архангельск: САФУ, 2013; *Павлушков А. П. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв.* Дис. канд. ист. наук. Вологда, 2000; *Рожина А. В. Пенитенциарная практика монастырей Вологодской губернии в конце XVIII — начале XX в.* // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2011. № 7. С. 116–122.

контексте предпринята авторами вышедшего в 2023 году сборника статей «Монастырь и тюрьма»¹. Довольно подробный очерк того, как власти решали судьбу сумасшедших в XVII–XVIII веках, но без отсылок к Фуко, представлен в статье С. О. Шаляпина и А. А. Плотникова 2018 года, причем в части, посвященной первому из этих столетий, использованы новые архивные документы². Наконец, в 2019 году темы безумства, меланхолии и монастырского заточения соединились в публикации Е. Махотиной, посвященной XVIII столетию и основанной на документах РГАДА и РГИА³.

Отсутствие полноценного исследования истории безумия в России раннего Нового времени отчасти объясняется состоянием источниковой базы. Зарубежным исследователям, изучающим историю безумия в Европе и Северной Америке XVII–XVIII веков, доступны разнообразные описания заведений, в которых содержались сумасшедшие, и даже записи, которые вели практикующие в них медики. У историков, занимающихся историей безумия в России второй половины XIX — начала XX века, также есть шанс обнаружить документы соответствующих медицинских учреждений и даже опубликованные отчеты психиатрических больниц⁴, но для более раннего периода такие материалы отсутствуют. Исследователи вынуждены обращаться к документам церковных учреждений и судебно-следственных органов, причем наиболее богатыми в этом отношении оказываются архивные фонды органов политического сыска,

¹ Монастырь и тюрьма. Места заключения в западной Европе и в России от Средневековья до модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

² Шаляпин С. О., Плотников А. А. Особенности заключения умалишенных преступников в России XVII–XVIII вв. // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН: преступление, наказание, исправление. 2018. № 2. С. 27–39.

³ Махотина Е. Меланхолия приходит в Россию. Монастыри как доллгаузы в России в XVIII веке // Вивлююика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2019. Vol. 7. P. 21–46. Основные положения этой статьи вошли и в статью 2023 года: Махотина К. Монастыри как мультифункциональные учреждения России первой половины XVIII в. // Монастырь и тюрьма. С. 58–81.

⁴ См., например: Погорелов М. А. Психиатрия, наследственность и душевная болезнь: политика маргинализации «опасных» индивидов в Москве на рубеже XIX–XX веков // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2017. № 2. С. 34–44.

использованные и в названных работах. В этих работах содержатся основные сведения о том, как определяли безумие, о законодательном регулировании статуса безумных и практиках обращения с ними. В соответствии с целями, которые ставили перед собой авторы, они иллюстрировали свои тезисы наиболее яркими примерами, найденными в документах Синода и различных архивных фондах. Однако разрозненные примеры, как представляется, не создают целостной картины, в связи с чем в настоящем исследовании избран иной подход. В его основе комплекс документов органов политического сыска, которые с начала XVIII века и до конца столетия решили судьбу более трехсот признанных безумными лиц: Преображенского приказа, Канцелярии тайных и розыскных дел и ее преемницы — Тайной экспедиции Правительствующего сената. Некоторые из этих документов уже попадали в поле зрения исследователей, и некоторые из них, о ком пойдет речь на страницах книги, упоминаются в вышеназванных работах. Однако попыток проанализировать в целом весь комплекс находящихся в этих фондах дел о душевнобольных до сих пор не предпринималось. Избранный подход, как представляется, позволяет более последовательно проследить, как менялось отношение власти к феномену безумия, его трактовки и восприятия и, соответственно, изменения в практиках обращения с умалишенными. Изучение же материалов именно этого документального комплекса представляется оправданным, во-первых, потому что для XVIII столетия этот комплекс по-своему уникален: никакого иного единого комплекса документов, по которому можно было бы реконструировать отношение к безумству, не существует. Во-вторых, эти документы особенно показательны, поскольку в данном случае власть сталкивалась не просто с необходимостью изоляции душевнобольных ради сохранения социального порядка, но с особой категорией безумцев — лицами, подозреваемыми в совершении преступлений политического характера, то есть теми, кого наиболее последовательно выявляли, преследовали и в соответствии с законодательством того времени подвергали самому суровому наказанию.

На первый взгляд, принятый в данном исследовании подход позволяет реконструировать лишь, по выражению французской

исследовательницы Л. Мюрат, «политическую историю безумия», но поскольку принимаемые в Тайной канцелярии и Тайной экспедиции решения (в особенности в екатерининское время) контролировались непосредственно верховной властью, можно предположить, что они служили образцом для принятия соответствующих решений и на других этажах государственного аппарата, где власть сталкивалась с душевнобольными, представлявшими угрозу не столько государственной безопасности, сколько окружающим либо совершавшими уголовные преступления¹.

Избранный подход дает также возможность проверить некоторые существующие в литературе утверждения, основанные на сложившейся в историографии интерпретации деятельности органов политического сыска. Так, к примеру, работавший с теми же материалами Е. В. Анисимов утверждает, что «умалишенные — участники политических процессов считались правоспособными, и, соответственно, они отвечали за свои слова и действия по законам», «неправомочными в делах признавались лишь те из больных <...> чьих речей невозможно было понять, а их бессвязные показания нельзя было нанести на бумагу». «Показания сумасшедших, — считает историк, — признавались политическим сыском как имеющие полную юридическую силу». При этом «факт сумасшествия устанавливался не медицинским, а розыскным путем»². Эти утверждения, как будет показано ниже, требуют определенной корректировки, причем Анисимов приводит несколько примеров применения к подследственным сумасшедшим пыток и иных форм физического воздействия, не оговаривая специально, что все эти случаи имели место в первой половине столетия.

Особенностью делопроизводства Тайной канцелярии и Тайной экспедиции было то, что выносимые ими в отношении

¹ Необходимо оговориться, что далеко не все безумцы, заподозренные в политических преступлениях, непременно попадали в центральные органы политического сыска в Петербурге или Москве. Подчас, в особенности в царствование Екатерины II, после запрета на произнесение «слова и дела» их судьбы решались на местах, в том числе в духовных консисториях и военных судах, хотя приговоры все равно посылались на утверждение императрице.

² Анисимов Е. В. Дыба и кнут. С. 384, 385, 387.

безумных приговоры за некоторыми исключениями не содержали обязательные для того времени ссылки на законодательство, фигурирующие в приговорах по иным уголовным и политическим преступлениям. Собственно, сослаться было и не на что, поскольку российское законодательство того времени почти никак не оговаривало правовой статус душевнобольных. Решения принимались преимущественно на основе сложившейся практики, и зачастую, в особенности во второй половине столетия, они включали не подкрепленную такого рода ссылками развернутую мотивировочную часть, позволяющую реконструировать логику рассуждений принимавших решения чиновников. Также изученные архивные дела включают переписку между различными инстанциями и дают возможность выявить отношение к феномену безумства чиновников разного уровня, причем письма и распоряжения, посылаемые из центра на места, служили непосредственным каналом трансляции формируемых верховной властью норм восприятия безумия и обращения с людьми, страдавшими психическими заболеваниями. В качестве обвиняемых органы политического сыска допрашивали представителей практически всех социальных групп — жителей разных регионов империи, мужчин и женщин, российских подданных и иностранцев. Зачастую они довольно подробно живописали следователям обстоятельства своей жизни, свои ощущения, устремления и мотивы своих поступков, что, наряду с описанием проявлений безумия, позволяет воссоздать его социальные аспекты, а зачастую и выдвинуть предположения относительно причин возникновения психических заболеваний.

Таким образом, для положенных в основу настоящего исследования архивных документов, как и в целом для судебно-следственных документов XVIII века как исторических источников характерна многоаспектность содержащейся в них информации, выходящая далеко за рамки только лишь проблематики безумия. Подчас показания подследственных дают возможность не только реконструировать их биографии, но и почерпнуть интересные сведения о быте и повседневности людей этой эпохи, о социальных и родственных связях, характере взаимоотношений между людьми, а подчас и уникальные данные об известных исторических личностях, их поведении,

образе мыслей. Иногда в этих показаниях можно даже услышать живую речь людей XVIII века. В отличие от иных судебных-следственных документов, применительно к которым анализ показаний подследственных обусловлен определенными ограничениями, поскольку подследственные отвечали на конкретные вопросы, в делах безумцев мы зачастую встречаем развернутый рассказ. Следователи главного органа политического сыска нередко давали человеку, в чьем душевном здоровье они сомневались, выговориться, наблюдая за его поведением и фиксируя то, что им казалось признаками сумасшествия. Случалось, что подследственный, напротив, отказывался говорить, но выражал готовность изложить свой рассказ в письменном виде. Как правило, его просьба удовлетворялась, и в этом случае исследователь получает доступ к рассказу, не отредактированному каким-либо канцелярским чиновником и не ограниченному рамкой задаваемых вопросов. Естественно, это не снимает вопрос достоверности такого рода рассказов. И тут проблема не столько в том, что всякий подследственный стремился оправдаться, сколько в необходимости отделить вымысел, фантазии больного человека от реальности. Понятно, что, когда в показаниях мы читаем о родстве с царской фамилией, о «голосах» и видениях, мы имеем дело с проявлениями болезни, но, когда речь идет о деталях биографии, встречах и разговорах с реально существовавшими людьми (а такие рассказы зачастую содержат малозначительные для рассказчика, но важные для историка детали), то есть основания полагать, что эта информация вполне достоверна. При этом, несколько забегаю вперед, отмечу, что, судя по изученным документам, однажды признав подследственного сумасшедшим, следователи зачастую игнорировали его показания полностью, даже если те содержали сведения о подозрительном с политической точки зрения поведении третьих лиц, считая эти рассказы вымыслом и не утруждая себя их проверкой. С одной стороны, это определенным образом характеризует восприятие безумия, с другой, означает, что обвиняемый, признанный сумасшедшим, освобождался от ответственности не только за собственные политически неблагоприятные проступки, но и за подлежащий наказанию ложный донос. Наконец, обращение к материалам политического сыска

видится оправданным и потому, что попадавшие туда душевнобольные в своих нездоровых фантазиях касались политических тем, хотя бы отчасти отражая отношение к ним тех, кто, будучи в здравом уме, предпочитал об этом помалкивать.

* * *

Приводимые в книге цитаты из использованных архивных документов даны в соответствии с правилами издания исторических источников XVIII века. Краткие сведения об упоминаемых в книге лицах содержатся в именном указателе.

Работа над книгой велась в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики.